

**Восприятие ислама в песенном жанре
современного чеченского фольклора**

Рассматриваемая нами проблема еще не становилась объектом научного внимания этнографов и специалистов по новейшей истории Северного Кавказа. Отчасти данный фольклорный материал приводится в монографии В.А. Тишкова, посвященной этнографии чеченской войны. Однако помещенные там тексты песен почти не содержат религиозных мотивов, поэтому исламская тематика, содержащаяся в произведениях интересующего нас жанра, так и осталась неисследованной. При этом, если В.А. Тишков считает подобное песенное творчество разновидностью военной «попсы»¹, то, по моему мнению, его скорее следует отнести к области современного фольклора.

Непосредственной причиной возникновения данного жанра стало появление в условиях первой чеченской войны (1994–1996 гг.) повстанческих вооруженных групп, обязательными атрибутами которых были исполнявшиеся под гитару соответствующего содержания песни, а также «барды», ставшие создателями рассматриваемых поэтических текстов. Здесь очевидно присутствует своя этническая и религиозная специфика, которая и интересует нас в данном случае. Авторы многих из этих песен неизвестны; кассеты с их записями распространяются как на Северном Кавказе, так и в других регионах России.

В целом все приводимые мной здесь фольклорные тексты можно разделить на две основных категории. К первой категории по своим тематическим особенностям относятся те песни, в которых ислам является скорее лишь частью идеологии «национально-освободительной борьбы» чеченцев. Хронологически тексты первой категории, видимо, следует соотносить со временами первой чеченской кампании. При этом больше всего чеченскими бардами здесь эксплуатируется тема героизма повстанческого сопротивления российской армии. Для примера приведем слова из песни неизвестного автора под условным названием «Газават»:

Мы не забыли слова газават,

Врага не поздно повернуть назад.
Дай отстоять свободу, честь, ислам;
Страна горит – иди тушить, имам.
Пылает синим пламенем Чечня – садись, имам, быстрее на коня.
Мы сможем землю предков отстоять,
Коль не забыли слова – газават!

Характерным персонажем этой песни является дважды упомянутый «имам», образ которого представляет определенный интерес. Как мне кажется, здесь идет речь о «сокрытом имаме», мессианской фигуре шиитской теологии, адаптированной местной исламской традицией еще в XIX столетииⁱⁱ. По-видимому, образ имама отождествляется неизвестным автором с образом легендарного имама Шамиля, основателя горского теократического государства, где действовали только «законы Аллаха».

Другой яркий персонаж одной из чеченских песен – знаменитый шейх Мансур, еще в XVIII в. возглавивший джихад против русских войск, вторгшихся в Чечню, и почитавшийся здесь как святой. Автор этой песни прославляет Мансура как доблестного полководца, «воина Аллаха» и грозу «неверных». Таким образом, живший в XVIII в. шейх Мансур сделался одним из идеологических орудий современных чеченских сепаратистов.

Чрезвычайно распространенный мотив чеченского повстанческого фольклора – изображение горцев Чечни как борцов и мучеников за истинную веру, шахидов, прославивших свои имена в неравной борьбе с Российской империей:

Лишь в дали за клубится дым башен
И с зарей уходила опять,
О Аллах, на тебя уповая,
На гяуров вновь горская рать...

В то же время барды, воспевающие героев чеченского сопротивления, стремятся представить врага в наиболее отталкивающем виде, что полностью соответствует законам подобного жанра. Мало того, что

враг – это жестокий агрессор, он еще и «враг Бога», враг религии. Следовательно, каждый истинный мусульманин (в данном случае – чеченец) обязан выступить против него с оружием в руках. Стоит ли говорить, что к подобному идеологическому приему часто прибегают в рамках любой религиозно-политической пропаганды, ставящей своей целью мобилизацию масс. Глашатаи «национально-освободительной войны» в Чечне не стали в этом плане исключением. Для примера приведем следующую цитату из песни:

И дрогнул враг, хулитель Бога,
Когда чеченцы в бой пошли –
Запомнятся ему надолго
Бамут, Самашки, Атаги.

Картина упадка и забвения традиционной морали и веры народа, находящегося под игом «неверных», изображается в одном из анонимных поэтических текстов в весьма безрадостных и мрачных тонах:

Я долго был в чужой стране,
И горечь гложет душу мне
Прибыв на родину свою –
Тебя, Чечня, не узнаю;
Они, забыв закон отцов,
От Бога отвернув лицо,
Продали душу сатане –
И добродетель не в цене.
Кто злата блеском ослеплен,
Кто спит блаженным тихим сном,
Кто равнодушьем ослеплен,
А над Чечней меч занесен...

Далее в песне следует призыв к народу Чечни восстать против «хищного врага», угрожающего его независимости и вере. Характерно, что при этом к каждому чеченцу автор обращается как к «рабу Аллаха», намекая на необходимость вести священную войну под знаменами ислама.

Ко второй, более любопытной категории произведений рассматриваемого фольклорного жанра относятся песни, в которых четко прослеживается влияние ваххабитской идеологии и где религиозная тематика занимает господствующее положение. Можно предположить, что авторы этих песен сами были членами салафитских джамаатов. В стихотворных строках сильно выражены эсхатологические и, отчасти, мессианские мотивы. В глаза бросается и обилие образов, характерных для мировоззрения ваххабитов, которые постоянно встречаются в их пропагандистской риторике. Чтобы не быть голословными, приведем фрагмент текста одной из песен:

О Аллах, мир окутан страшной мглой,
И война вновь сменяется войной.
Страшный век, век неверия и зла,
О, Аллах, лишь в джихаде жизнь ясна.
Впереди ждут жестокие бои,
Впереди ждут [...] (слово неразборчиво. – И.С.) полки.
И в огне будет долго мир пылать,
О, Аллах, будут все к тебе взывать.
На Земле есть святыня – Божий храм,
О, Аллах, дай его увидеть нам.
Этот храм будет взят – и зло уйдет,
Солнца луч на закате вдруг взойдет,
И огонь вдруг низвергнут небеса,
Божий храм озарит пророк Иса.
Мы тебя освободим; взор к Аллаху обратим,
Души в вечность обратим,
Будет наш Иерусалим!

В приведенных строках отчетливо проступает целый ряд черт, характерных для ваххабитского вероучения, согласно которому смысл жизни для каждого, кто следует по пути Аллаха, может быть обретен только в джихаде против неверных. Как отмечают исследователи, для ваххабитов джихад – это перманентная война, лишь такой образ жизни позволяет обрести свободуⁱⁱⁱ. И это находит яркое подтверждение в приведенных выше строках песни.

Эсхатологические мотивы являются еще одной неотъемлемой частью данного фольклорно-поэтического произведения. Мир, погрязший в неверии, будет пылать в огне, и спасение к нему может прийти только благодаря миссии героев «Аль Акса», которые водрузят черное знамя джихада на Иерусалимском храме. «Пусть Аль Акс станет нам дорогой в рай», – говорится в одной из заключительных строк песни. Следует отметить, что палестинская исламистская организация «Аль Акс» многими отождествляется с «ваххабизмом», а призывы освободить Иерусалим перекликаются с одним из заявлений чеченского ваххабитского телеканала «Кавказ» о том, что «Иерусалим будет наш»!^{iv} Таким образом, становится вполне понятным, какого рода идеи и устремления послужили источником вдохновения для создания подобных произведений стихотворного жанра.

Другой характерный пример салафитского фольклора Северного Кавказа – песня под условным названием «О, ислам», по-видимому, принадлежащая перу того же автора, что и предыдущая. Приведем некоторые ее строки:

О, ислам, нечестивы твои богословы;
Поучать – все мудры, но пусты разговоры.
О, ислам, мир погряз во грехе и неверье;
О, ислам, твои истины в вечном забвенье.
День возмездия близок, а мы позабыли о страхе.
День возмездия близок, его возвестит нам Исафил;
В муках Судного дня пред Аллахом мы ужас познаем.
День возмездия близок, так зачем мы о нем забываем?

Можно ли не узнать в этих религиозных стихах почерк ваххабита? Под «нечестивыми» богословами, против которых направлено острие авторской критики, явно подразумевается официальное мусульманское духовенство Чечни, не признающее «чистый ислам» салафитов. Вновь налицо эсхатологические мотивы Страшного суда и близости «последних времен». Подобные настроения, как известно, характерны для эпохи социальных и политических потрясений. Неизвестный мусульманский поэт, несомненно, был свидетелем и, вероятно, участни-

ком первой чеченской войны. Собственно, политика и вообще земные дела его мало интересуют – человеческая жизнь ничтожна и мимолетна; вся власть и могущество в руках Аллаха, извечно предопределившего судьбу мира.

Таким образом, анализ представленного в данной статье фольклорного материала позволяет сделать вывод о преобладании двух основных идеологических тенденций в песенном самодетельном творчестве чеченских бардов. Особенностью первой тенденции следует считать преобладание «героической» тематики «национально-освободительной борьбы», когда ислам выступает лишь как часть повстанческой идеологии. Вторая тенденция отличается абсолютным преобладанием религиозных, исламских мотивов, причем в их «салафитской» интерпретации.

Примечания

ⁱ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М., 2003. С. 149.

ⁱⁱ Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003. С. 396.

ⁱⁱⁱ Заурбекова Г.В. Ваххабизм в Чечне. М., 2004. С. 6.

^{iv} Вахаев Л. Политические фантазии в Чеченской республике // Чечня и Россия: Общества и государства. М., 1999. С. 324.